# Как мы играли в собрание.

Сегодня я понял, как нелегко быть пресвитером. Раньше мне казалось: чего там сложного? Назначил первого проповедника, второго и третьего, и готово! Но, как оказалось, не всё так просто.

В этот день детского не получилось. Наши мамы и папы пошли на спевку, а мы остались в классе воскресной школы одни, потому что дядя Володя, ведущий нашей группы, заболел и не пришёл. А из нас никто не заболел, но мы сидели все невесёлые, отчасти потому, что жалко дядю Вову было. А ещё потому мы были невесёлые, что нам Василий Макарович, выходя из класса пригрозил, сказав, что сразу разберётся с нами, если мы сорвём спевку.

Вот и сидели мы, смотря друг на друга и хлопая глазами. Получать от Василия Макаровича нам ой как не хотелось. Потому что если от него получишь, то обязательно дома добавку всыпят... Если бы он конфеты раздавал так же щедро, как взбучки давал, тогда дело другое, но всё было наоборот. Поэтому первых несколько минут в классе висела тишина.

Нас в группе было пятнадцать детей. Семь ребят и восемь девочек, от шести до восьми лет. Все кивали друг другу и без слов спрашивали: “Чем будем заниматься?” И тут же пожимали плечами.

–А давайте в собрание поиграем?– наконец-то нашёлся Марик Беляев.

Все одобрительно загудели, заёрзали. Петька Бычков спрыгнул с подоконника, на котором сидел нахохлившись, как совёнок, и сразу поставил у входа стул, заявив, что он будет пресвитером и проповедником, и других вариантов быть не может.

Класс зашумел, а я хотел возразить Петьке, мол, нечего сгребать все чины! Но тут общий гул оборвал занудный голос Гришки Удодова.

–А мой папа говорит, что в собрание грех играть.

Гришка сидел в сторонке возле окна. Он и сегодня напоминал мне королевского пингвина, который на всех смотрит свысока. Прям как с картинки – полненький с высоко задранным носом.

Мы сконфуженно замолчали и начали коситься друг на друга, но больше на Марика, который предложил эту затею. А Петька Бычков, опустив голову, потянул стул обратно в угол.

Марик тоже моргал глазами, как испуганный хомячок, и мне вдруг его стало жалко. Он был хорошим парнишкой, всегда давал списывать задания в школе (учились мы в одном классе), а самое главное, никогда не смотрел, как королевский пингвин. Я решил прийти ему на помощь и, вскочив с места, выпалил в сторону Гришки:

–Ничего не грех в собрание играть! Мы вот дома всегда играем, когда папа уезжает. Он только крещение нам не разрешает делать, а проповедовать всегда можно!

Класс снова зашумел, теперь уже одобрительно и легко. Гришка отвернулся к окну и даже немного посунулся по столу, подальше от всех. Петька опять потянул стул к двери, посматривая то на меня, то на Гришку, то снова на меня.  Танюшка Кружевная весело запрыгала и нараспев заявила:

–А я-а-а-а бу-уду-у-у реге-е-ентом. Ре-е-е-гентом!

–А я стих расскажу!– подхватила Наташа Краснова и подбежала к Петьке, который уже залазил на стул.

Другие тоже начали что-то выкрикивать, требуя для себя то одно дело, то сразу по несколько. Каждый хотел быть за что-то ответственным, а были и такие, которые хотели руководить всем сразу. Поднялся шум, и я, видя такое, понял, что Василий Макарович вот-вот нагрянет с порцией успокоительного.

–Тихо! Тихо!– закричал я, оттолкнув Петьку в сторону и забравшись на стул.

Сразу все начали успокаиваться, гул перешел в шёпот. А я, чтобы закрепить успех, добавил:

–Вы что не поняли? Марик сказал, что мы в собрание играть будем, а не в членское. Поэтому ведите себя как следует и не шумите. –Валёк дело говорит,– подхватил Витька Елисеев.– У нас собрание, а не членское. Нечего шуметь!

А я, чтобы не потерять инициативы, опять загромыхал:

–Пресвитером у нас будет Марик, он придумал в собрание играть. Петька, ты не хмурься, ты первым проповедовать будешь, и хватит с тебя. Будешь у нас за дядю Степана.

–Дядя Степан долго говорит и скучно, его первым нельзя,– перебила меня Краснова, и другие её поддержали дружным: “Да-а-а-а!”

Тут я понял, что перегнул. До меня дошло, что за кафедру кого попало, особенно первым, выпускать не стоит.

–Тогда будешь за дядю Виталика. Он говорит коротко и интересно.

–А ещё он интересные рассказы пишет,— протянула Маша Весенина и, наверное, испугавшись своей смелости, покраснела и пригнулась, спрятавшись за спинами остальных.

Но ребята её поддержали, потому что дядя Виталик, действительно, интересно проповедовал. И книжки писал интересные, и все мы его очень любили слушать. Петька, услыхав, что он будет за дядю Виталика, заулыбался, расцвёл и даже рубашку заправил, а потом вытер под носом. Потому что дядя Виталик всегда был опрятный, а вот Петька не всегда. Или точнее, всегда ходил замызганный да расправленный. Но тут пингвин-Гришка опять, повернув свою высоко задранную голову, прокрякал:

–А мой папа говорит, что рассказы дяди Виталика — это неправда. Всё, что там написано – выдумка и обман. Всё это – солома!

Петька, наверное, не знал, куда ему теперь податься. То ли оставаться возле кафедры, то ли спрятаться в угол. Но тут Марик дал залп по Гришке:

–В голове у тебя солома. А рассказы не солома, их читать надо!

Все мы дружным хором поддержали Марика, как-никак он сегодня у нас пресвитер. Потом в сторону Гришки полетели выкрики, поднялся галдёж. Гришка ещё более придвинулся к окну и важно отвернул задранную голову.

Возможно, все бы так и продолжали шуметь, возмущаться и спорить, но тут Тимофей Весенин, Машин брат, встал и, подняв руку громко заявил:

— Братья и сёстры, Господь посреди нас!

Всю нашу шумную компанию, как водой окатило. Мы стихли, удивлённо смотря на Тимофея, а тот, довольный результатом, сел на место. Такой он у

нас был – спокойный и почти взрослый, сам ссориться не любил и всех старался мирить.

–Тима, ты чего это вдруг? – спросил я, не совсем поняв сказанной фразы.– Это проповедь или что?

Тимофей улыбнулся, встал и начал пояснять, что это фраза из любимой притчи его папы. В этой притче к одному брату пришёл другой брат, чтобы поссориться. А первый, это поняв, встретил его словами: «Господь посреди нас», и второй ссориться уже не посмел. Вот так Тимофей одним махом отбил у нас всякую охоту ссориться и обижать друг друга. Мы посидели с полминуты в тишине, а потом меня посетила одна идея.

–Братья и сёстры,– начал я важно, но потом подумал, что уж сильно похожу на Гришку-пингвина, сбавил важности и продолжил,– а давайте к нам на собрание сегодня заедет какой-нибудь брат-гость?

–Николай Степанович!– вновь перебила меня Краснова. Но в этот раз как-то мелодично, мечтательно, так что я на неё не обиделся совсем. Но растеряться, растерялся и замялся на минутку.

Марик пришёл мне на выручку.

–Наташка, не встревай. В наше захолустье из Совета Церквей не заезжают.

–А у нас заедут. Мы же понарошку играем. Придумаем и заедут. – Не сдавалась Краснова, и мне её идея понравилась.

–Придумал! – Начал я опять, оживлённо размахивая руками, чтобы на меня смотрели все и не шумели. – К нам заезжает Николай Степанович и Геннадий Сергеевич!

Я сделал паузу и довольно осмотрел ошарашенных этой чудной новостью друзей. Даже Гришка немного повернул в мою сторону голову, правда, не опустив её при этом. А я продолжил:

–Петька, ты говоришь первым, я по плану должен говорить вторым, а Марик – третьим. Но во время твоей проповеди откроется дверь, и к нам зайдут Тима и Витя, то есть, Николай Степанович и Геннадий Сергеевич. Мы все обрадуемся, радостно загудим. Только не сильно, а то Василий Макарович тоже заглянет. Марик скажет: «Братья, мы вас рады видеть, проходите, будете вместо нас проповедовать». Братья начнут по-скромности говорить «нет», но все Марика поддержат и …

–И Николай Степанович с Геннадием Сергеевичем скажут проповеди.– Опять вмешалась Краснова.

Все были в восторге от такого предложения. Марик как пресвитер помолился в начале собрания, Петька вышел за кафедру… А я сидел в ожидании гостей и думал, как всё-таки тяжело бывает пресвитерам. С такими обидчивыми, как Петька, которого попробуй не пусти до кафедры, сильно умными, как Гришка, нетерпеливыми и болтливыми, как Краснова… Ой как им тяжело бывает с нами – детьми...